

ГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВА ВЛАСТИ: ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ

В. В. Фёдоров, М. В. Фёдоров

Тверской государственной технической университет, Россия
vvf322@yandex.ru

Рассматривается феномен архитектурно-ландшафтных пространств власти, проявляющий специфику отношений социума и власти. Асимметрия влияния и другие характерные черты власти наглядно выражаются в организации этих пространств. Воспроизводимые в течение тысячелетий, они несут содержание, обусловленное технологиями власти. Среди инвариантных черт пространств власти: симметрия архитектурно-композиционных решений (наличие выраженной оси), доминирование «классических» форм, ансамблевая застройка, наличие свободного пространства для демонстраций и пр. Существование особым образом организованных территориально-пространственных структур раскрывает содержание, неочевидные связи и динамику взаимообусловленности отношений общества и власти. Пространства власти являются объектом рефлексии в качестве «образа власти», приобретают знаковое выражение (вербальное или визуальное), несущее смысловую нагрузку. В статье используется диахронный метод соотнесения архитектурных приёмов выражения власти с характерными моментами состояния общества. Выявлены устойчивые и многократно воспроизводимые архитектурные решения, прослежены закономерности их развития. Установлено, что процессы формирования и развития пространств власти характеризуются этапами как усложнения, так и упрощения среды. Анализируются характер и формы их проявления в интерьерах и экстерьерах современных объектов власти демократических сообществ. Приведение российских пространств власти в соответствие требованиям времени оценивается как социально значимая проблема.

Ключевые слова: город, социальные пространства, отношения социума и власти.

THE URBAN SPACE OF POWER: THE DIACHRONIC DIMENSION

Viktor Fedorov, Mikhail Fedorov

Tver State Technical University, Russia
vvf322@yandex.ru

The phenomenon of architectural and landscape spaces of power, showing the specificity of the relations between society and power, is considered. Asym-

metry of influence and other characteristic of power are clearly expressed in the organization of these spaces. Reproducible for thousands of years they are content due to the technology of power. Among the invariant features of the spaces of power: the symmetry of the architectural and compositional solutions (the presence of severe axis), the dominance of the 'classical' forms, the ensemble construction, the availability of space for demonstrations and so forth. The existence of specially organized territorial and spatial structures reveals the content, non-obvious connections and dynamics of mutual relations between society and government. Spaces of power are the object of reflection as an "image of power", acquire a symbolic expression (verbal or visual), bearing a semantic load. The article uses the diachronic method of correlation of architectural methods of expression of power with the characteristic moments of the state of society. Identified sustainable and re-usable architectural decisions, traced the patterns of their development. It is established that the processes of formation and development of spaces of power are characterized by stages of both complexity and simplification of the environment. The nature and forms of their manifestation in the interiors and exteriors of modern objects of power of democratic communities are analyzed. Bringing the russian spaces of power in compliance with the requirements of the time is evaluated as a socially significant problem.

Keywords: city, social spaces, relations of society and power.

DOI 10.23951/2312-7899-2018-3-170-178

В течение тысячелетий социальное бытие носит архитектурно организованный облик. В частности, при всём многообразии планировочных решений крупных поселений их центральная часть, застроенная прежде всего дворцами, замками и храмами, всегда представляет собой место концентрации властных структур, инструмент административного и психологического влияния на социум. В процессе своего формирования и развития города становились «и крепостью, и складом, и мастерской, и рынком, но сначала (и в первую очередь) местом власти» [Линч 1986, 18]. Власть (государство, партия, церковь, социальная группа, индивид) всегда заявляет о себе в городе – среди прочего – и архитектурными средствами:

1) упорядоченным расположением зданий и сооружений, их «правильной» ориентацией по странам света и использованием доминирующих форм рельефа (как воплощение социальной иерархии);

2) претензией на исключительность пространств власти (замкнутость, изолированность, особым образом оформленные ворота /

подъезды, демонстративный дуализм левого / правого, высокого / низкого и пр.).

Возникающее пространство власти – сложный социальный и архитектурный феномен, порождённый и упорядоченный исторически развивающимися властными технологиями [см.: Фёдоров, Киясханов 2013]. Рассматривая диахронию феномена городских пространств власти, мы ограничиваем предмет исследования рамками части городского архитектурно-ландшафтного пространства, которая репрезентирует образ власти в массовом сознании, способствует формированию условий создания и изменения идеологий и технологий власти в пределах пространств социального бытия.

Итак, власть как асимметрия влияния всегда проецируется на территорию города и формирует в нём особые «пространства власти». Анализ социальной действительности сквозь призму пространственных отношений наиболее наглядным образом проявляет отношения социума и власти как существование особым образом организованных территориально-пространственных структур, позволяет раскрыть их содержание, неочевидные связи и динамику взаимообусловленности. Пространственное воплощение власти представляет собой результат контаминации 1) физического (архитектурно-ландшафтного, предметного) пространства и 2) упорядочивающего его пространства социального, задающего технологическую структуру властных отношений [Косолапов 2005 а, 2005 б]. Сложившиеся в обществе представления о власти в полной мере становятся объектом рефлексии в качестве «образа власти», когда они приобретают знаковое выражение (вербальное или визуальное), несущее определённую смысловую нагрузку [Бурдье 2007, 34]. В этом смысле образ власти неотделим от его материального и содержательного выражения, выступает как результат социальной коммуникации [см.: Барабанов 1999].

Диахронный метод (метод периодизации) – в отличие от хронологического раскрытия череды состояний пространств власти без акцентирования отношений логического следования – предполагает сопоставление архитектурного выражения власти с характерными моментами состояния общества. В более конкретном плане с помощью диахронного метода осуществляется: а) определение художественно-композиционных и объёмно-планировочных особенностей объектов локализации властных структур; б) выявление устойчивых и многократно воспроизводимых архитектурных решений; в) прослеживание определённых закономерностей развития и т. д. В центре внимания оказываются особенности и тенденции, характер

и формы их проявления, обнаружение моментов возникновения новых решений, наличие структурно-типологических связей и пр.

В контексте нашего исследования диахрония рассматривается как феномен и понятие, обозначающие, во-первых, возникновение каких-либо зданий, сооружений и их комплексов в привязке к пространству и времени, во-вторых – их устойчивое существование / воспроизведение в значимых исторических интервалах (как правило, измеряемых десятилетиями / столетиями, что характерно для продолжительности жизненного цикла архитектурных творений). Изменение – предельно абстрактная характеристика их существования, более конкретная – процесс как последовательность состояний феномена во времени (процессы функционирования, морального и физического износа, ревитализации, ревалоризации и пр.), отвечающих актуальным моментам социальной жизни. Характер развития пространств власти (и городской среды в целом) не может интерпретироваться как инерционный вектор постоянно нарастающей сложности. Можно привести много примеров развития архитектурной ситуации, ведущего не к усложнению, а, напротив, к упрощению, удешевлению за счёт снижения качества, технологическим «отступлениям», даже руинированию, которые столь же характерны для развития городской среды, как рост и расцвет.

Один из важнейших атрибутов феномена архитектурных пространств власти – преемственность как тип связи между этапами или стадиями его развития, которая заключается в сохранении тех или иных элементов существующих (существовавших, или только спроектированных) объектов. Преемственность не исчерпывается воспроизведением исторически и территориально близких архитектурных решений. Например, спустя тысячелетия из культурной памяти человечества совершенно осознанно извлекается опыт возведения зиккуратов (многоступенчатых культовых сооружений древней Месопотамии), и на Красной площади в Москве появляется Мавзолей В. И. Ленина. Новое сооружение в историческом центре столицы, несущее мощный потенциал чуждой культуры, отрицает всё. И предшествующее планировочное решение площади (памятник К. Минину и Д. Пожарскому, стоявший с 1818 года на поперечной оси площади, в 1931 году перемещён на её периферию), и опыт возведения функционально, хронально и ментально близких монументальных погребальных сооружений (мавзолеи М. Б. Барклая-де-Толли, Н. И. Пирогова и др.).

Выделение структурных составляющих образа власти, соответствующего конкретному социуму и определённой исторической

эпохе, показывает, что во всех случаях присутствует некая общая черта – предметно-материальное воплощение феномена власти в архитектуре. Обнаруживая инвариантные предикторы организации пространств власти (историко-культурную традицию), можно судить об актуальном состоянии социума [см.: Фёдоров и др. 2015]. Семантика архитектурно-ландшафтного и планировочного воплощения пространств власти определяется: 1) пространственным положением структур власти; 2) архитектурными формами и планировочными решениями; 3) пластикой, цветоцветовыми и фактурными решениями фасадов; 4) выраженной архитектурной символикой.

Устойчиво воспроизводимые в течение тысячелетий характеристики городских пространств несут определённое содержание, обусловленное кодом решения практических задач. Архитектурное пространство власти должно «не только делать возможным осуществление соответствующей функции, но должно означать её так очевидно, чтобы осуществление было не только исполнимым, но и желательным» [Линч 1986, 65]. Например, среди инвариантных черт планировочной организации пространств власти обычно обнаруживаются: а) симметрия архитектурно-композиционных решений, наличие выраженной оси, доминирование «классической» формы (прямоугольника в чистом виде или обогащённого включением дуг окружности); б) ансамблевая застройка; в) синтез архитектуры со скульптурой и монументальным искусством; г) наличие свободного пространства для демонстраций, шествий, митингов.

Способность городской среды выступать в качестве субстрата (основы и условия рациональной организации) социального бытия наиболее очевидным образом проявляется в исключительных объектах и архитектурных комплексах (самых больших, самых красивых, самых дорогих, приуроченных к важным историческим вехам и т. д.). При этом пространства дислокации власти должны были быть отчуждёнными (изолированными, но не удалёнными) и одновременно – периодически доступными, зримыми, достаточно просторными для демонстрации военной силы, а также пышных шествий во славу гражданской и религиозной власти.

Центры власти всегда «выстроены из одних и тех же элементов» [Линч 1986, 28–29]: а) барьеры, ворота, пространственные шлюзы; б) открытые пространства, облегчающие контроль ситуации; в) оси симметрии и предписанные траектории перемещения для подъездов и парадов; г) «особые» габариты зданий и площадей как выражение силы власти; д) строгие правила перемещения / нахождения

ния представителей власти в пространстве, наличие особых мест положения властителей.

Заслуживает внимания взаимообусловленность динамики социального бытия и архитектурной среды (включая городские пространства власти) [см.: Фёдоров и др. 2015]. Главное назначение города – сложного социокультурного, экономико-географического и архитектурно-градостроительного образования – создание условия для формирования и развития социума. В своё время возникновение крупных поселений означало переход от «средового» существования к перманентному пребыванию индивида в социуме. Создаваемая человеком искусственная реальность, отчуждаясь не только от природы, но и от общества, приобрела способность автономного функционирования. Сегодня городское пространство власти не столько объект, сколько самоорганизующийся процесс, протекающий в пространственно-временном континууме.

Социальное бытие – исключительно динамичная система, а архитектурно-ландшафтная среда, напротив – внешне предстаёт как очень инерционная система. Её структурные элементы существуют в неизменной внешней форме десятилетия (здания и сооружения) и даже столетия (улично-дорожная сеть, функциональные зоны, опорный фонд и пр.). Поэтому динамика связи социума и архитектуры власти проявляется главным образом в характере их взаимообусловленности. Меняясь, общество трансформирует семантику среды предметно-пространственного окружения, наделяет архитектуру всё новым ценностно-смысловым содержанием. Это сложный нелинейный процесс, для которого характерны моменты возникновения новых, трансформации старых значений и их синергетического взаимодействия. Иногда иерархия и расчленённость традиционных архитектурно-ландшафтных пространств власти принимается и поддерживается новой элитой (Кремль в Москве, Рейхстаг в Берлине, Белый дом в Вашингтоне и пр.). Но нередко власть не видит возможности реорганизовать их так, чтобы они отвечали актуальной системе социальных отношений. Тогда она меняет место своей дислокации (города Бонн, Бразилиа и др.).

Городское пространство власти «делает ставку на скрытую силу структурно-пространственной формы», обнаруживая в этом своё сходство с современными теориями управления. Ультрасовременные пространства власти начала XXI века «отличаются сокращением иерархий, усилением коммуникативности, гибкостью, креативностью, демонстрацией личной ответственности» [Делитц 2008]. В идеале в глазах граждан они должны выглядеть олицетворением

демократических ценностей, процветания, благополучия, «места силы» для подавляющего большинства горожан. Например, большое количество остеклённых поверхностей уже почти хрестоматийно трактуется как «образ прозрачной политики, устойчивого развития, открытости».

В современной России архитектурные пространства власти «с биографией» (а в отечественной традиции власть всех уровней предпочитает исключительно «намоленные», центральные места) разительно отличаются от того, что создаётся во всём мире в настоящее время. Такое стремление сохранить пространственный (визуальный, функциональный и пр.) барьер между обществом и властью, оправдываемое примитивно понимаемой преемственностью, выглядит откровенным анахронизмом. В мировой архитектурной практике *в интерьерах новых офисов власти мы обнаруживаем:*

1) отсутствие видимой охраны (конечно, она обязательно, но незаметно присутствует и отличается более высокой эффективностью, поскольку функционирует на ином технологическом уровне, используя бесконтактные сканеры, системы обнаружения оружия, взрывчатых веществ и т. д.);

2) многоуровневые атриумы, залитые естественным светом, люющим сверху;

3) возможности визуального контакта с городом, окружающей средой (так, что помещения в некоторых частях здания выполняют уже скорее публичную, а не офисную функцию);

4) массу архитектурных форм и деталей, символическое содержание которых считывается субъектом восприятия интуитивно.

В свою очередь *экстерьеры новых правительственных зданий и других органов власти характеризуются тем, что:*

1) внутри и вокруг них обязательно сформированы обширные общественные пространства, на которых могут беспрепятственно собираться люди;

2) содержат архитектурные формы промежуточного масштаба (деревья, скамьи, флаштоки, часы, скульптуры и пр.);

3) площади, окружающие резиденцию власти, плавно перетекают в пространство атриума, пронизывают здание.

Примером такого современного решения архитектурного пространства власти является, по нашему мнению, здание парламента Шотландии (г. Эдинбург)¹. Проект Э. Мираллеса победил в международном конкурсе (1998 г.) и был реализован в 2004 году. Комплекс состоит из 1) отдельного объёма Зала заседаний, 2) четырёх офис-

¹ См.: <https://archi.ru/world/332/novoe-zdanie-parlamenta-shotlandii>.

ных башен и 3) дополнительных помещений. Он органично включил в себя важный памятник британской архитектуры XVII века Квинсбери Хаус. Несмотря на сложный характер многоуровневого пространства и многообразие архитектурных форм, объект бережно вписан в окружение района Старого города, включённого в список охраняемого Всемирного наследия ЮНЕСКО. Идея покрытий навеена формой перевернутых рыбацких лодок на побережье Северного моря. Основные материалы фасадов – бетон, дерево, стекло, нержавеющая сталь. Планировочное решение участка, экстерьер и интерьерные пространства парламентского комплекса в полной мере воплощают современные представления о городских пространствах власти.

Проблема трансформации пространств власти вполне очевидна и на региональном уровне. Как правило, областное правительство занимает здания, доставшиеся ему по наследству. Недостаток офисных помещений, зальных пространств для проведения публичных мероприятий, очевидный дефицит парковочных мест во время собраний регионального уровня и пр. настоятельно требует обратить внимание на ситуацию. При нынешнем состоянии экономики ни один региональный центр (за исключением столиц, отчасти – крупнейших городов страны) не может себе позволить возведение нового административного центра. Реальный путь решения проблемы – «ползучая» реновация (замещение некоторых существующих объектов новоподелами) или реконструкция. Но чаще всего речь идёт об историческом центре, и реакция гражданского общества вполне предсказуема...

Вернёмся к опыту шотландцев, сумевших вписать памятник архитектуры в состав нового комплекса. Задача очень сложная (в профессиональном и психологическом плане), но, тем не менее, имеющая много вариантов приемлемого решения. В подобных ситуациях взаимодействие пространств социальных и пространств власти развивается, главным образом, в плоскости социальной психологии. Пренебрежение или непонимание роли обратной связи порождает сложный и трудно прогнозируемый результат восприятия власти (пространства власти как формы её презентации) индивидом и массовым сознанием. Причём, результат этот носит исключительно субъективный характер и зависит от большого количества факторов (начиная от социально-экономической ситуации в стране, заканчивая погодой и сиюминутным настроением субъекта восприятия).

В природе власти: а) самоутверждение в присвоенном пространстве; б) символическое насилие над топосом и социумом. При этом

в наиболее очевидной форме социальное бытие материализуется в архитектурно-ландшафтной среде, выступает как объект восприятия, понимания и присвоения значений. Поэтому одна из актуальных задач, стоящих перед развивающимся обществом, – приведение городских пространств власти в соответствие требованиям времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барабанов 1999 – Семиотика пространства / Под ред. А. А. Барабанова. Екатеринбург, 1999.
- Бурдьё 2007 – *Бурдьё П.* Социология социального пространства. Санкт-Петербург, 2007.
- Делитц 2008 – *Делитц Х.* Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 113–121.
- Косолапов 2005 а – *Косолапов Н. А.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6. С. 3–13.
- Косолапов 2005 б – *Косолапов Н. А.* Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 3–14.
- Линч 1986 – *Линч К.* Совершенная форма в градостроительстве / Пер. с англ. В. Л. Глазычева под редакцией А. В. Иконникова. Москва, 1986.
- Фёдоров, Килясханов 2013 – *Фёдоров В. В., Килясханов М. Х.* Пространства социального бытия. Тверь, 2013.
- Фёдоров и др. 2015 – *Фёдоров В. В., Фёдоров М. В., Кортаева З. В.* Предикторы пространства власти: семантический аспект // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 3 (5). С. 86–96.

Материал поступил в редакцию 12.04.2018